

УДК 811.161.1

К ВОПРОСУ О МЕТАФОРИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Г.М.Нуруллина

В работе рассматривается образно-ассоциативная и образно-понятийная специфика грамматической категории рода, анализируется процесс метафоризации неодушевленных существительных.

Ключевые слова: антропоморфизация, метафоризация неодушевленных существительных, категория рода.

В современной лингвистике идея антропоцентричности языка, согласно которой языковые феномены исследуются в тесной связи с мышлением, духовным миром человека, является актуальной, «ключевой» (по В.А.Масловой). С позиций антропоцентрической парадигмы человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. И тем самым формируется индивидуальная языковая картина мира, в создании которой неоспоримую роль играет *метафоризация* (*метель разыгралась, звук уснул, матушка-зима, ложится тень*). Согласно В.А.Масловой, метафора есть «орудие мышления и познания мира, она отражает фундаментальные культурные ценности, ибо основана на культурно-национальном мировидении» [1: 89-90]. Благодаря метафоре в языковых средствах запечатлевается национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития.

Лучше отражает национальную культуру, национальную специфику языка, безусловно, лексический уровень. Однако и грамматический строй языка, различие в грамматических категориях может нести «семантическую информацию» [2: 235]. И эта семантическая информация культурнонациональна: она отражает способ концептуализации действительности. Значительный интерес с этой точки зрения представляет для нас грамматическая (морфологическая) *категория рода* русских имен существительных. С.Г.Тер-Минасова отмечает, что существование в русском языке категории рода «свидетельствует о более эмоциональном отношении к природе, к миру, об олицетворении этого мира» [3: 159].

Известно, что род не имеет номинативного значения у неодушевленных существительных и части одушевленных. Однако номинативная значимость может иногда появляться в художественных текстах, так как именно «текст является оптимальным средством для вербализации индивидуально-авторских смыслов и отражает осо-

бенности национального сознания, национальных приоритетов, закрепленных на вербальном уровне» [4: 78]. По мнению М.А.Кронгауза, «с точки зрения культуры противопоставление женского и мужского пола у человека важнее половых различий прочих существ и принципиально отличается от них хотя бы наличием громадного количества культурных ассоциаций, шаблонов поведения и восприятия, связанных с обоими полами» [5: 232].

Неодушевленные существительные, которые на уровне языковой системы не обладают денотативным значением рода, как бы приобретают это значение на уровне художественной речи. Категория рода приобретает стилистическую функцию и тем самым становится метафорическим каркасом, на котором держится вся образная система. При метафоризации у языковой единицы проявляются признаки образности, семантической двуплановости, оценочной и экспрессивной насыщенности [6]. Проследить это возможно в рамках различных контекстов: в произведениях устного народного творчества, в художественной речи, в поэзии, в устойчивых выражениях. Так, А.А.Потебня писал: «О том, имеет ли род смысл, можно судить лишь по тем случаям, где мысли дана возможность на нем сосредоточиться, т.е. по произведениям поэтическим» [7: 452]. Наблюдения А.А.Потебни показывают, что род существительных, называющих вещи и понятия, потенциально связан с полом, когда речь идет об олицетворении в художественных произведениях, когда названия предметов служат обозначениями персонажей. «Факт родовой принадлежности слова в поэтической речи предопределяет характер образа (олицетворения, сравнения)» [8: 203]. В таких случаях чаще всего слова мужского рода представляют персонажей мужского пола, а слова женского рода – персонажей женского пола.

Возможность метафорического переосмысления номинативного значения категории рода использовал Н.В.Гоголь. В «Петербургских за-

метках 1836 года» он писал: *«Москва женского рода, Петербург мужского. В Москве все невесты, в Петербурге все женихи... Москва – старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается на свете; Петербург – разбитной мальчик, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европой, раскланивается с заморским людом»* [9: 45-46]. Здесь очевидна роль метафоры – раскрытие «одного из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира» [10]. Художественному тексту присуще удвоение обозначений одной и той же реалии: в нем сосуществуют прямое и метафорическое значения. Двойственность номинации определяет и двойственный характер смысловых связей: при восприятии метафоры возникает ряд субъективных ассоциаций, связанных с мировоззрением воспринимающей личности, с ее психическим складом, с характером интеллектуальной жизни.

Двойственность номинативного значения слова, по нашему мнению, может достигаться средством переосмысления категории рода: в процессе антропоморфизации, персонификации неодушевленные предметы и явления получают признак пола. Образное олицетворение, основанное на стилистическом использовании существительных, может служить различным выразительным целям. Процесс антропоморфизации неодушевленных существительных наблюдается, например, в стихотворении В.Брюсова «У земли» [11]. Здесь *земля* (существительное женского рода) представлена в образе *матери* («Помоги мне, *мать-земля!*»), *свахи* («*Ты всему живому – мать, ты всему живому – сваха!*»). Автор просит помощи у земли – сосватать его с тишиной, он ищет успокоение в «*деве-тишине*» («*Где ты, **дева-тишина**, жизнь без жажды и без думы?*»). В.Брюсов наделяет неодушевленные существительные номинативной значимостью, подтверждая еще раз выразительность категории рода в поэтическом словотворчестве. Автор глубоко, тонко продумал соединение, союз, «брак» природных явлений, которые в стихотворении представлены в лицах мужского и женского пола («*Ты венчаешь с **ветром тишь**, луг с **росой**, **зарию со мракком***»). И действительно, эти явления связаны в природе: существование одного без другого немислимо.

Анализируя некоторые произведения, мы обнаруживаем, что художественные образы создаются путем олицетворения, метафоризации, сравнения. Выразительность стихотворений достигается за счет переноса признаков, характери-

зующих некоторую группу слов, на иные группы слов, не обладающих этими признаками.

Например, в стихотворении Ф.И.Тютчева «Зима недаром злится...» [12], написанном в 1836 г., времена года *Зима* и *Весна* представлены в человеческом лице. Слова «*Зима*» и «*Весна*» – неодушевленные существительные, которые на уровне языковой системы не обладают денотативным значением рода, но им приписывается это значение на уровне художественной речи. Создавая художественный образ, автор опирается на потенциальные возможности слова. Поэтическое слово актуализирует психологические, эмоциональные ассоциации. Так, в стихотворении *Зима* ассоциируется с «*ведьмой злой*», которая «*хлопочет на Весну, ворчит*», *весна* – с «*прекрасным дитем*», которое «*в глаза хохочет, шумит*». Природа у Тютчева одушевлена, очеловечена, т.е. ассоциативно переосмыслена. Именно категория рода используется для создания определенного художественного образа, с помощью которого более полно и наглядно раскрывается какая-либо мысль автора и персонажа.

Названия времен года *зима* и *весна* в художественных текстах представляются в разных лицах. Так, например, если у Тютчева *весна* – «*прекрасное дитя*», то у С.Есенина *весна* – «*царевна*» (стихотворение «Чары»), которую можно охарактеризовать веселой («*пьяна она под чарами веселья*»), невесомой («*она, как дым, скользит в лесах*»), но в то же время властной («*с хором птичьего молебна поют ей гимн колокола*»), богатой («*золотое ожерелье блестит в косматых волосах*») [13].

Именно неодушевленная лексика, в рамках которой формальная категория рода превращается в лексико-грамматическую в результате формирования переносного значения слова, представляет особый интерес с точки зрения мотивированности возникновения подобного переноса и образно-ассоциативной, оценочной интерпретации.

Специфические образно-ассоциативные механизмы переосмысления исходных значений во второй номинации находят свое отражение не только в поэтических текстах, но и в загадках, пословицах, поговорках, фразеологизмах. Так, например, *зима* и *весна* в силу ассоциации с лицом женского пола в загадках представляются следующим образом:

Зима	Весна
<i>Кто, угадай-ка, седая хозяйка? Тряхнула перинки – над миром пушинки.</i>	<i>Прилетела пав, села на лаву, Распустила перья для всякого зелья.</i>

<p><i>Тетушка крутая, белая да седая</i> <i>В мешке стужу везет,</i> <i>На землю снег трясет,</i> <i>Сугробы наметают,</i> <i>Ковром землю устилают.</i></p>	<p><i>Шагает красавица,</i> <i>Легко земли касается,</i> <i>Идет на поле, на реку,</i> <i>И по снежку, и по цветку.</i></p>
--	--

Говоря о метафоризации категории рода в загадках, ученые нередко упоминают о реализации идентифицирующей и мотивирующей функций рода. Подробно эти функции описаны в книге Я.И.Гина «Поэтика грамматического рода» (1992). Автор считает, что идентифицирующая функция рода проявляется прежде всего в текстах с прономинализацией отгадки, а мотивирующая функция наиболее полно раскрывается в текстах с олицетворением.

В настоящей работе нас интересует мотивирующая функция. В загадках наблюдается *грамматическое олицетворение*, где по биологическому полу можно определить род отгадываемого слова. Грамматическое олицетворение очень «подходит загадке как жанру: оно как раз и позволяет увидеть предмет (слово) в его противоречивом тождестве-нетождестве себе самому» [14: 127]. Примеры реализации грамматического олицетворения можно пронаблюдать в следующих загадках: «*Красна девица сидит в темнице, а коса на улице*». (*Морковь*); «*Сидит дед, во сто шуб одет. Кто его раздевает, тот слезы проливает*». (*Лук*). Иногда в загадках может происходить и дифференциация полов. Так, существительное *капуст* женского рода, а в загадках при олицетворении выступает в мужском и женском лице. 1) *Был ребенок – не знал пеленок. Стал стариком – сто пеленок на нем*. 2) *Расселась барыня на грядке, оделась в шумные шелка. Мы для нее готовим кадки и крупной соли полмешка* [15].

Таким образом, в фольклоре, в поэтических и прозаических текстах русского языка неживые предметы, явления природы часто персонифицируются. Образная антропоморфизация, основанная на стилистическом использовании существительных определенного рода, служит различным выразительным целям, позволяет усвоить национально-культурную специфику языковых средств. Метафоризация категории рода в таких случаях выполняет художественно-поэтическую, художественно-изобразительную функцию, опи-

сывает объект или его признаки, выражает оценочное или эмотивное отношение субъекта к обозначаемому, представляет объект как существующий в некотором художественно выстроенном мире.

*****

1. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов высш. уч. заведений. – М.: Академия, 2004. – 208 с.
2. *Якобсон Р.* Избранные работы по лингвистике. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998. – 448 с.
3. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – М.: Слово / Slovo, 2000. – 262 с.
4. *Усманова Л.А.* Семантическая сфера «природа» в художественном дискурсе И.А.Бунина: лингвокультурологический аспект // Филология и культура. – 2012. – № 3 (29). – С. 78 – 81.
5. *Кронгауз М.А.* Семантика: Учеб. для студ. лингв. фак-тов высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
6. *Скляревская Г.Н.* Языковая и художественная метафора: единство и противоположность // Вопросы теории и истории языка. – СПб., 1993. – С. 221 – 227.
7. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике: В 4 т. Т.3: Об изменении значения и заменах существительного. – М.: Просвещение, 1968. – С. 451 – 459.
8. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
9. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка: Учеб. пособ. по спецкурсу для студентов по спец. «Рус. яз. и лит-ра». – М.: Просвещение, 1981. – 254 с.
10. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // URL: <http://linguistic.ru/index.php?op=content&rop=post&id=146> (дата обращения 23.01.2013).
11. *Брюсов В.Я.* Стихотворения. – М.: Детская литература, 1971. – 190 с.
12. *Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1987. – 448 с.
13. *Сергей Есенин.* Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2012. – 720 с.
14. *Гин Я.И.* Поэтика грамматического рода. – Петрозаводск: Карельский государственный педагогический институт, 1992. – 168 с.
15. *Лысаков В.Г.* 1000 загадок. – М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2006. – 318 с.

ON METAPHORIZATION OF GENDER CATEGORY IN THE RUSSIAN LANGUAGE

G.M.Nurullina

In this paper the image-associative and conceptual image-specific grammatical category of gender is examined, and the process of metaphORIZATION of inanimate nouns is analyzed.

Key words: antropomorphization, metaphORIZATION of inanimate nouns, category of gender.

* * * * *

Нуруллина Гузель Миннезугаровна – кандидат педагогических наук, ассистент кафедры современного русского языка и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: nurullinagz@mail.ru

Поступила в редакцию 24.01.2013